

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Люшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Матьяна
Алюшина

Тот, кто назначен
судьбой

Роман

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Тот, кто назначен судьбой : роман / Татьяна
Алюшина. — Москва : Эксмо, 2022. —
384 с.

ISBN 978-5-04-162429-3

Стеша обладала странным даром — видя людей, девушка понимала, кому из них суждено образовать пару. Но сама она до сих пор оставалась одна. И только оказавшись на краю пропасти, на грани смерти, Степанида наконец встретила своего идеального возлюбленного. Вот только он категорически отрицает для себя всякую возможность серьезных отношений.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162429-3

Спас ее куст. Или не куст вовсе, а молоденькое совсем деревцо — неважно, какое-то растение, небольшое, но цеплючее. А деревцо, не деревцо, она не ботаник — так что пусть будет куст! Тем паче что он так, зараза, вцепился, что пришлось долго с ним копошиться, пытаясь отодрать от одежды, и, поверьте, это занятие совсем не располагало к задумчивому рассматриванию растения и выяснению его классификации. Это уж точно!

А все потому, что она забрела подальше, углубившись прямо в заросли какие-то. Намеренно, разумеется, и вполне обдуманно.

Группа сделала привал на понравившейся ей небольшой, практически ровной, как стол, скальной площадке, нависшей карнизом высоко над рекой, бурлящей в порогах бурунами водных брызг. Место называлось Бараний Лоб, что ему очень подходило, потому что эта выступающая над крутым обрывом скала с определенного ракурса сбоку и на самом деле напоминала выставленный вперед лоб тупой, упертой бараньей башки.

Парни наперебой принялись уговаривать встать прямо здесь лагерем, сильно впечатлившись открывающейся, прямо-таки завораживаю-

щей панорамой дикой природы. Но дядя Миша, их неизменный и надежный проводник, помотав отрицательно головой, усмехнулся с явным сарказмом и коротко констатировал:

— Не пойдет! Красиво, а как жить, у нас тут везде красиво, куда ни глянь, но жопы отморозите на каменюках этих, — и махнул ручищей своей, как на деток неразумных, глупость сболтнувших. — Баловство!

«Ну, а кто еще? Дети, конечно», — вздохнула про себя безнадежно Степанида и тоже махнула рукой, распоряжаясь:

— Привал десять минут, и идем дальше.

Жестом показала дядя Мише, что она в кустики по нужде, тот в ответ кивнул и полез в свой доисторический брезентовый плащ за табаком.

Да, «мальцы», как называют тут местные ребята, какие-то прямо неугомонные, это точно, — рассуждала Стеша, углубляясь в заросли, — да детский сад вообще! Троица по двадцать одному году, старшему в группе двадцать четыре, и вроде бы мужик здоровый, жениться собрался, с претензией на солидность и разумность, аспирант, а такое же дите, как и студенты ее баламутные. По крайней мере, подписывают они его на все свои задумки и проказы шептутные влегкую, на раз-два, даже на понт не берут или слабо — задурят голову ученую, что-то там с умным видом насочиняют, и, глядишь, он уже «в деле».

Ну, понятно, что мальчишкам скучно без привычного драйва столичного: ни тебе интернета скоростного, связь вообще прошлый век, докричаться проще, чем дозвониться, гаджеты, как

хлам, лежат пылятся, ни клубов, ни тусовки, ни переписки активной в соцсетях — тоска-а-а. Глухая таежная деревня, в которой группа зависла на долгий месяц.

И хоть уходят они в тайгу на работу на несколько дней с ночевками и длинными переходами, а уж там не заскучаешь особо: отмотаешь по дикой местности десятки километров с тяжеленным рюкзаком и аппаратурой на горбу, а потом так упахаешься за день, что еле ноги до спальника в палатку дотащишь, но парням все равно скучновато. Вот они и резвятся от души, придумывая развлечения разные, порой слишком неумные и не совсем безобидные.

Но Степанида по большей части смотрела на все их выкрутасы сквозь пальцы и излишней строгости руководителя не проявляла понапрасну — пусть себе, главное, чтоб без перебора и никого из местных не задевали. Вот, оберегаясь от такой активности своих подчиненных, она и полезла подалее от стоянки, а то с этих оболтусов станется подсмотреть, как начальница в кустиках пристраивается и штанишки спускает. Нет, сам процесс они вряд ли станут наблюдать, но подшутить, шугануть с облюбованного места, разыграть это запросто могут. Потом, разумеется, извинятся, но пожрут от души, а то! И не преминут после пройтись по ее фигуре и пятой точке намеками да смешком, но вроде как соблюдая положенное уважение к руководителю. А как же! Хоть какая развлекуха!

Она хмыкнула таким мыслям и покрутила головой, улыбаясь: ну, мальчишки, пацаны, что с них

возьмешь! Она вон даже рюкзак не сняла и на привале не оставила, на автомате так и потащив на спине, хоть устала от него уже зверски.

А потому что уже не раз сталкивалась с приколами этих «детिशек» — то лягушек они ей в рюкзак насовали, и когда на привале Стеша открыла клапан, они как принялись оттуда выскакивать, громко квакая. Она тогда отскочила ланью перепуганной с визгом! Вот парни ржали! Даже невозмутимый дядя Миша похохатывал. Потом был ужик в боковом кармане, но тут уже Степанида не растерялась и скакать-визжать не стала, а, поймав рептилию, кинула ее прямо Андрею Торгину, главному идеологу и заводиле всей этой компании, в руки.

Тогда завизжал уже от неожиданности он. Тоже повод для веселья и дружного гогота.

И завязанные узлами рукава ветровки, и ржавый дырявый котелок вместо пригодной посуды — вот такая вот у нее в подчинении младшая группа детского садика «Василек», в официальных документах благородно именуемая научной экспедицией.

Но рюкзак теперь Стеша без присмотра не оставляла, так и таскала даже в кусты.

Все улыбаясь своим мыслям, Степанида забрела довольно далеко, скинула надоевший до зуда в спине рюкзак и уселась под кустиком у дерева по малой своей природной нужде, как называет это действие их проводник. А когда поднималась, этот самый куст вцепился в петли на поясе ее брюк, причем так крепко, словно отпускать не хотел — типа: «Эй, ты куда собралась, дорогая? Ну, поиграй

тут со мной, посиди еще чуток, поговорим, подумаем!» Она рванула раз, два — ни в какую!

Пришлось две руки заводить за спину и на ощупь пытаться отодрать привязчивые ветки. Но они никак не поддавались. Стеша уж тихо поругивалась сквозь зубы и проваландалась с этим кустом незнамо сколько времени, еле сдерживая естественный порыв рвануть к такой-то бабушке со всей дури свои штаны из этих веток! Сдержалась. Расцепила как-то.

Поправила одежду, закинула на одно плечо рюкзак и пошла к стоянке.

Шум бьющейся в порогах воды все нарастал по мере ее приближения к временному лагерю, а вокруг царил умиротворяющий, настраивающий на возвышенный лад природная гармония. Стеша вдыхала полной грудью чистый, пьянящий хвойный воздух, смотрела на деревья, стоявшие гордым войском посреди каменных россыпей, и чувствовала некое особое состояние, какое наступает, когда вот так близко соприкасаешься с первозданной, нетронутой природой, словно чистишься душой, и что-то звенит внутри от этой удивительной красоты...

И вдруг, разбивая в хлам все хрустальное умиротворение и спокойствие, прогремел выстрел! Казалось, что прямо прогрохотал, как взрыв, чужеродным, совершенно неуместным посреди всей этой тишины и гармонии звуком!

Со стороны их привала!

Она замерла на месте, оторопев от неожиданности.

Да что там у них такое?! Зверь какой, что ли, вышел? Или...

С вариантами было туговато — любое «или» могло случиться, любое!! Черт! Да в этой дикой тайге что угодно может случиться!

И вот что бы вы сделали при таком раскладе? Правильно — побежали бы, да еще как, немедленно выяснить, что происходит, что случилось там у ребят... Нормальный человек, к тому же отвечающий за всю эту компанию, разумеется, во все лопатки припустит вперед разобраться в проблеме.

А она вот не побежала. Наоборот, надела рюкзак, как положено, на оба плеча и двинулась вперед медленно, внимательно оглядываясь по сторонам, тщательно прислушиваясь и стараясь ступать очень осторожно, глядя, куда и как наступает, обходя сухие ветки на земле, чтобы производить как можно меньше звуков.

Вот такая девушка. С детства доведенное, закрепленное до уровня инстинкта, до рефлекса правило, практически закон жизни, втолкованный ей — не знаешь, что за ситуация, происходит нечто непонятное, странное или пугающее, или тебя что-то сильно насторожило? Прежде чем кидаться от дурной башки без разбора и выяснять методом наскока и дурака «что там такое», ударившись с разбегу лбом об обстоятельства, — оцени обстановку, разведай и узнай все, что можно, пойми, что происходит на самом деле, реально взвесь свои силы, шансы и возможности в данных обстоятельствах и только тогда принимай решение и начинай действовать. Только тогда!

Папенька родной постарался, обучая таким вот правилам жизни. Ну и как действовать и прини-

мать решения, тоже не забыл научить. Но это тема отдельная.

Осторожно продвигаясь вперед, Степанида уже отчетливо различала незнакомые мужские голоса, громко кричавшие хозяйским тоном, отдававшие какие-то приказания, и уже отчетливо понимала, что происходит нечто совсем хреновое. Из ряда вон какое хреновое! И главное, пока непонятное.

Стеша согнулась чуть ли не пополам, в полуприсядку пробираясь поближе — уже за деревьями просматривалось какое-то мельтешение фигур, но неясное, и слова различить было никак невозможно, кроме отдельных матерно окрашенных выкриков незнакомцев. Она остановилась. Присела на корточки и принялась осматриваться в поисках более удобной позиции, с которой было бы возможно увидеть все более отчетливо, при этом самой оставаясь незаметной.

Так. Слева от нее, уходя вперед до самого обрыва, над рекой тянулась каменная гряда, поднимаясь метра на три, влезть на нее, конечно, можно и вполне реально, но это займет довольно много времени, и не факт, что оттуда будет все видно, а уж про то, чтобы слышать что-то, и вовсе забыть нужно — далековато. Справа же каменные глыбы хоть и попадались, но одиночные, разбросанные среди деревьев, а не сплошным массивом, а вот деревья...

Так, деревья — это уже лучше.

«Возможно!» — повторила мысленно себе Стеша и осмотрелась уже более конкретно с этой самой мыслью.

Подходящий под задачу объект обнаружился после того, как она, со всей осторожностью, практически ползком, продвинулась еще немного ближе к лагерю. Рюкзак Стеша припрятала в небольшой расщелине между камнями и поваленным стволом старой ели и даже присыпала сверху сухой хвоей и прошлогодней листвой для большей конспирации, предварительно вытащив из него маленький, но мощный бинокль и цифровую видеокамеру.

Все это разведывательное добро повесила себе на шею и чуть ли не по-пластунски подобралась к самому крупному дереву, стоявшему аккурат у края каменной площадки, которое предварительно и высмотрела для проведения рекогносцировки, ползая тут, как партизанка какая.

«Кажется, это пихта или кедр?» — пришла в голову странная отвлеченная мысль. Стеша даже головой помотала от удивления и возмутилась: «Ты что, Степанида, обалдела? Ты еще про пестики-тычинки порассуждай давай, самое время!»

От испуга, что ли? Да вроде и не очень она испугалась.

Напряглась, понятное дело, нервничает, но чтобы бояться уж так, чтобы прямо страшно-страшно, — такого точно нет.

Когда задумал залезть на дерево, замечательно, если на его стволе имеются ветки и желательно поближе к земле. Ветки на облюбованном дереве, понятное дело, имелись, но назвать их удобной лесенкой к вершине нельзя было даже с большой натяжкой.

А куда деваться? Охо-хо-шеньки!

Перекинув на спину бинокль с камерой, кое-как цепляясь за торчащие из ствола пеньки-обрубки обломанных временем и стихиями ветвей, перемазав все ладони и куртку спереди смолой, стараясь производить как можно меньше шума, Стеша смогла-таки добраться до толстых веток и по ним подняться повыше и даже вполне удобно устроиться на одной из них.

Она не ошиблась — с той точки, где она осторожно усаживалась на удобной большой ветке, плоская каменная площадка над обрывом была видна как на ладони. Вообще Стеше очень повезло, что все эти ее карабканья никто не услышал и не увидел — дерево стояло совсем близко к площадке, выручил фоновый шум от бурлящей внизу реки, ну, и общая занятость людей на площадке, о которой можно было догадаться по непрекращающемуся матерному крику.

Еще не рассмотрев все толком и не поняв, что там творится у них внизу, Степанида сразу же включила видеокамеру, настроила ее, навела картинку на площадку и выставила звук на максимальную громкость записи.

И вот тогда-то, когда наконец через экран камеры, приблизив и увеличив картинку, девушка рассмотрела в деталях, что именно там происходит и как, она обалдела от непонимания и прокатившего по спине холодом испуга.

Что за дела-то такие?! Что происходит-то, а?!

Сердце заколотилось перепуганно, и кровь шибанула горячей волной под колени! От неожиданности и страха она чуть равновесие не потеряла.

Пришлось ухватиться свободной рукой за дерево и прижаться к стволу боком.

И в этот момент ветер, как по заказу, подул в ее сторону, и все разговоры внизу стали слышны довольно ясно и отчетливо.

Четверо абсолютно незнакомых ей мужиков, явно местных каких-то, все в охотничьей снаряге, с охотничьими ружьями, громко матерясь и отдавая приказания тоном наехавших бандюков, кошмаря психологически непрерывным ором, подталкивая прикладами ружей в спины, поставили ребят на колени в ряд. А чуть в стороне, ближе к краю площадки, Степанида заметила лежавшего неподвижно на боку Михаила Евгеньевича, так и не снявшего своего рюкзака с плеч.

Бывший егерь вообще не любил «попусту поклажу тревожить», как он частенько говаривал: «А зачем? Приладил добротню к спине, чтоб не елозил, не бил по-глупому, и ходи себе», уж тем более на таком небольшом привале, на один перекур.

Она навела на дядю Мишу видеокамеру, увеличила максимально картинку, но так и не смогла понять, жив ли он вообще, дышит ли. Это в него, что ли, стреляли? Но как ни присматривалась, крови не заметила.

— Где девка ваша?! — орал один из воинствующих незнакомцев на аспиранта Витю, стоявшего перед ним на коленях.

И тут же без предупреждения, с короткого замаха ударил кулаком его в челюсть. Судя по уже текшей из уголка губ по подбородку Вити струйки крови, бил он его не первый раз. Голова парня дернулась, а Шешка ахнула от неожиданности и

возмущения, но тут же сильно прикусила губу — нельзя!

Нельзя себя выдавать! Никак нельзя! Поймают же! И кто мальчишкам тогда поможет?! Она тут сидит как на насесте, если кто-то из этих бандюков посмотрит вверх и приглядится повнимательнее, ее сразу же заметят! Сразу!

— Я спросил, где девка?! — проорал мужик.

Витя сплюнул кровавую слюну, вытер губы, посмотрел на кровь на пальцах и довольно спокойно ответил:

— Я же сказал: она сегодня на заимке осталась с данными работать. У нас накопилось много данных, их надо периодически обрабатывать, рассчитывать и вносить в компьютер, сегодня ее очередь этим заниматься.

И тут еще один из мужиков подскочил к Аркаше Азовскому, как и остальные, стоявшему на коленях и с расширившимися от ужаса глазами потрясенно крутившему головой, наблюдая за происходящим вокруг, словно не веря в то, что это происходит на самом деле. В его жизни, в реале! Он даже не успел ничего сообразить и отреагировать как-то, хотя бы попробовать отклониться, когда получил мощный удар в челюсть, от которого свалился кулем набок. Мужик, здоровый, как лось, ухватив Аркашу за шиворот, тряхнул его, как куль с мукой, приподнял и снова усадил на колени и, не отпуская его ворота, наклонился и проорал ему на ухо:

— Он говорит правду?!! Девка ваша где?!!

— До-о-ома осталась!! — заорал во все горло от испуга Аркаша. — Честное слово, дома!! У нас работы много, данных!! — и неожиданно всхлип-

нул, как перед истерикой, чуть не заплакал, но сдержался.

Мужик тряхнул его еще разок, отпустил и посмотрел на напарника, который бил аспиранта Тюрина.

— Похоже, на самом деле девка не с ними. Что делать будем, Чума?

— А что будем? — спокойно ответил тот, отошел от Вити и уселся на рюкзак кого-то из парней. — Что решили, то и будем. — Достал нетопливо сигареты и зажигалку из кармана камуфлированной куртки, по типу военного образца, которые в этих местах носят большинство охотников, закурил, сильно затянувшись, выпустил дым и пояснил расклад дальнейших действий: — Вызовем его, как и решили. Он все равно понесется их выручать, что с девкой, что без нее, а дальше все, как и планировали, — и хохотнул. — Жалко только поскучать придется, пока ждем, с бабой-то время веселее провели бы, — и добавил матерно, как именно они собирались весело проводить время в присутствии Стеши на этом «празднике жизни».

— А может, и повеселимся, — предположил еще один участник бандитской группы, подходя к сидевшему, и пояснил, перемешивая свою речь матерными составляющими: — Если она узнает, что ее пацаны куда-то вляпались и у них проблемы, то, может, с егерем вместе и побежит спасать, — и заржал. — Начальница, е...

— Там посмотрим, — не разделил его оптимизма, видимо, главный тут у них Чума и приказал: — Ну-ка, Бык, тащи этого. — Он указал на Витю, все

вытиравшего и вытиравшего тыльной стороной ладони кровь, текущую из разбитой губы.

Его «лосистый» кореш по прозвищу Бык в два здоровенных шага оказался рядом с парнем, ухватил Тюрина за шиворот, как только недавно Аркашу, и поволок за собой по земле. Подойдя к сидевшему на рюкзаке главарю, поставил перед ним на колени Витю, не забыв попинать его и потряхнуть предварительно. Видимо, добиваясь пушного испуга.

— Ты у них тут за главного, когда начальница отдыхает? — глумливо хмыкнул непонятный пока еще до конца Чума.

— Я, — кивнул Витя.

— Как звать? — спросил мужик.

— Виктор, — пробурчал Тюрин.

— Ну, так вот, Витя, — почти ласково обратился к нему мужик. — Сейчас ты достанешь рацию, я в курсе, что у вас армейская КВ-радиостанция с дальним диапазоном и вы постоянно на связи с заимкой, и вызовешь Славина. Скажешь ему, что проводник ваш дядя Миша Куликов упал с обрыва и сильно расшибся. Очень сильно. Теперь лежит весь переломанный, без сознания, и вам требуется срочная помощь для эвакуации. Ты меня понял?

Витя кивнул, мол, понял.

— Молодец, — похвалил мужик. — Объяснишь, что вы могли бы и сами его вынести из тайги, да только не знаете точный маршрут и можете заблудиться. А чтобы ты глупостей не наделал и не сболтнул чего лишнего, мои ребята постоят рядом с твоими мальчиками во время вашего разговора. — Он кивком приказал своим людям выполнять сказанное. «Лось»-Бык и двое остальных

бандитов подошли к стоявшим на коленях Игорю, Аркаше и Андрею. А старший продолжил объяснять Вите дальнейший расклад: — За каждое твое неправильное слово или неубедительную интонацию мы будем отстреливать или отрезать твоим друзьям важные части их тела. Если егерь засомневается в твоих словах или начнет задавать неправильные вопросы, кого-нибудь из них пристрелим. Это понятно?

Витя снова кивнул, не удосужив бандита словесным ответом.

— Опять молодец. Идем за рацией, — и осклабился издевательской улыбочкой. — Я провожу.

«Так-так! — продолжая снимать все очень старательно и наводя крупные планы на лица каждого из бандюков, начала судорожно соображать Степанида. — Зачем им Василий Трофимович понадобился? Да еще так, вызвать в тайгу? Ну, вообще-то...» На этом месте ее мысль забуксовала — разум отказывался принимать единственный напрашивающийся вариант ответа. — Да ладно! — убеждала она себя. — Да нет, не может быть!! Что, они его тут убивать собрались?»

И со всей возможной ясностью и отчетливостью вдруг поняла, чувствуя, как волна страха прокатилась холодом по позвоночнику и вниз по ногам до самых пальцев, — будут! Еще как будут!

Это браконьеры, и не из числа тех, кто постреливает иногда дичь без разрешения для дома-семьи или в компании друзей и так, с оглядкой и остороженько, — нет! Это отморозки полные, опьяневшие от денег и куража своей безнаказанности, способные убить кого угодно — тайга все

скроет и спишет — ищи потом, общешься — пропал человек — и нет, сгинул!

Это такой тип людей, маргиналы конченые, которые кайф ловят от самой погони, охоты за дичью и готовы стрелять в кого угодно, когда угодно и сколько угодно в любой сезон, лишь бы за это отвалили хороший куш.

Эти даже на тигра ходят. Да что там даже — тигр их основной источник нелегального заработка. Туша тигра стоит офигенных денег! Просто офигенных! И китайцы, основные заказчики этих кошачьих, готовы выложить такие деньги в любой момент. И заказывают, суки, поощряют! Хотя не только китайцы.

А поскольку вся деятельность этой братвы не просто противозаконна, но уголовно сильно наказуема на нехилые сроки в местах весьма отдаленных, а уж за тигров так и вообще можно до трясушей старости сидеть, то понятное дело, что браконьеры эти глубоко криминальный элемент, готовые, не парясь никакими моральными и нравственными сомнениями, убить любого человека, вставшего на их пути. Любого!

А Славин не любой и не просто встал на их пути — он умудряется как-то их выслеживать и брать с поличным в момент охоты, доказательства бесспорные их деяний собирать и в наручниках привозит и сдает козлов этих не в городскую полицию, где каждый друг другу брат-сват да друг любезный и «замылить» могут любое дело, а в районную.

На минуточку, если учесть, что программа охраны и разведения уссурийских тигров находится на личном контроле у самого президента, то бра-

вые районные полицейские, а иже с ними и прокурорские, и судьи так дрожат за свои погоны и седалища, что с великой радостью отправляют доставленных Славиным браконьеров под самые суровые статьи, не забыв присовокупить к ним и нападение на егеря с огнестрелом при исполнении.

Василий Трофимович, как только занял пост егеря, на всю область объявил, громогласно и доходчиво, что на его территории браконьеров не будет и он повыведет их, как вошь. Предупредил и велел другим передать. Только за последний год он, иногда вдвоем с помощником, задержал и передал полиции три браконьерские группы по четыре-пять человек, две из которых были не местные, а залетные.

Неудивительно, что браконьеры люто ненавидят Славина! Люто! И они объявили ему войну. Насмерть. Говорят, что даже между собой награду за его ликвидацию назначили. Но это слухи, а может, и не совсем слухи...

Эти убьют. И ради того, чтобы уничтожить Славина, не задумываясь, могут положить и других людей. Они и спланировали всю эту историю с захватом научной экспедиции ради убийства Славина, чтобы заманить в лес и устроить ему засаду.

И бить будут как зверя — на движение, на шорох! Без разговоров и предупреждений — в спину, чтобы наверняка!

Они Михаила Евгеньевича, наверное, уже убили! Не шевелится даже! Стеша постоянно на него камеру наводит, присматривается, а он как неживой. Он этих сволочей в свое время, когда сам был здешним егерем, сильно прижимал, в него и стре-

ляли сколько раз, и ранили трижды, а уж грозили-пугали — и не счесть.

А их научная экспедиция очень «удачно» вписалась в планы этих бандюков! Хотя не было бы их — любую другую группу могли захватить: здесь и туристы-экстремалы частенько шастают, по рекам сплавляются, и людей, желающих отдохнуть от цивилизации, хватает, да и нормальных, законопослушных охотников. Группе просто не повезло.

И тут ее окатило, как кипятком, мыслью:

«А что они с ребятами сделают, после того как со Славиным расправятся?.. — и задохнулась от осознания: — Они же свидетели!..»

Стеша даже головой покрутила — ну не могла она поверить в то, что это возможно! Бред какой-то! Ну не может подобное происходить на самом деле!

Вот так просто, среди бела дня, пусть даже в лесу глухом, но в наше время — это же не гражданская война, не немцы же, в конце-то концов, — кто-то захватывает членов научной экспедиции и серьезно, реально собирается их...

— О, смотри! — загоготал один из бандитов внизу. — Леший наш, похоже, очухался!

Степанида глубоко вдохнула, задержала дыхание, зажмурилась сильно-сильно, справляясь с накатившим приступом паники, страха, отрицания и неверия в происходящее, и медленно выдохнула — надо держать себя в руках, никакого недоумения тупого, сомнений и паники!

Никакой!!

Нефиг, как девица нервная, тут рефлексировать! А ну взяла себя в руки! Может, не может! Есть реальность — вот она! Избитые мальчишки,

стоящие на коленях, с руками, сложенными за головой, и бандюки!

Парни ее прикрыли, предупредили, как могли, специально громко кричали, дали ей возможность спрятаться, уйти, и сейчас она единственная, кто может что-то предпринять, чтобы спасти всех. Ну, не так героически-бравурно — спасти! Она все-таки не спецназовец какой кинематографический, что десятки врагов одной левой побеждает! Но сделать все возможное, чтобы предупредить Василия Трофимовича и попытаться помочь мальчишкам, она должна!

Что-то сделать!! Что-то же она может, обязана сделать!!

Степанида посмотрела вниз и поняла, что дядя Миша жив, пришел в себя и пытается сесть! Значит, не убили, живой! Ура!

Но радоваться оказалось рано.

Двое бандитов, подхватив под руки, протащили Куликова в центр площадки, где стоял их старшой, и швырнули на землю у его ног. Тот присел на корточки, ухватил лапищей дядю Мишу за бороду и подбородок и резко поднял его лицо, так, чтобы смотреть ему в глаза, намеренно сделав больно.

— Ну что, старый хрыч, отбегался? — спросил он и хмыкнул довольно. — Должок у меня, помнишь? Не рассчитались.

— Не одалживаюсь, — прохрипел Михаил Евгеньевич. — Жаль только, мало ты тюряги похлебал, Коля, не поумнел, смотрю.

Лицо у этого Чумы-Коли вдруг прямо мгновенно покраснело от прилившей крови, исказилось от ненависти, словно его смял кто-то огромной неви-

димой рукой, и он стал задыхаться от переполнявших его эмоций.

Резко поднявшись с корточек, главарь бандитов со страшной силой размахнулся ногой и ударил в лицо Михаила Евгеньевича настолько сильно, что того отбросило на спину и кровавая юшка вылетела из его рта волной по дуге и плюхнула на камни. А Чума как озверел и все колотил и колотил ногами уже бесчувственное тело куда попало! К нему подскочили еще двое, словно дикие псы, почувствовавшие кровь, и тоже принялись бить Куликова ногами... Стеше, оторопевшей от ужаса, даже показалось, что она слышит, как они пощелячи повизгивают от возбуждения и вида крови!

Как же страшно они его избивали! Страшно до жути!! Зверски!!

Она все снимала и снимала, сжав зубы, так, что аж желвакам стало больно, — снимала подробно, каждую деталь, приближая и удаляя картинку на экране, не отдавая себе отчета, что делает, не замечая слез, беззвучно катившихся по щекам, чувствуя, как колотится набатом в груди сердце! Она отпустила ствол дерева, за которое держалась свободной рукой, и сильно-сильно зажала ладонью рот, чтобы остановить, затолкать назад рвущийся из груди крик!

И тут к избивающим кинулся Витя.

— Прекратите! — прокричал он, ухватив одного из бандитов за руку и пытаясь оттащить его. — Что вы делаете?! Прекратите немедленно!!

И получил удар кулаком в лицо, а за ним сразу второй справа от «лося»-Быка, отлетел и упал

на землю, и тут его догнал еще один удар ногой в живот.

Но, странное дело, это вмешательство каким-то образом пробилось через озверевшее сознание главаря, и он громко крикнул:

— Не трогать этого!

И, как шавки, получившие команду от вожака, двое бандитов сразу же прекратили колотить Витю.

— Он мне пока целый нужен со Славиным разговаривать, — пояснил Чума, посмотрел на распростертого у его ног, с залитым кровью лицом дядю Мишу, плюнул на него, перевел взгляд на Витю, лежавшего чуть поодаль, и бодрым веселым тоном распорядился: — Ну что, пора пообщаться с бравым егерем! Поднимите этого. — Он кивнул на Витю. — Пусть рацию достает и связывается!

Витю подняли, подхватив под руки с двух сторон, поставили на ноги и встряхнули.

— Где рация, защитничек? — почти нежно поинтересовался Чума.

Витя кивнул на один из рюкзаков, к которому тут же поспешил тот, что его ударил первым — мелкий такой, неприятный человек, весь какой-то дерганый, — и принялся рыться в мешке, достал зеленый ящик с рацией и, подняв повыше, продемонстрировал остальным.

— Давай настраивай и вызывай, — пихнув Тюрина в спину, распорядился главарь.

Степанида перевела дух, глубоко вдохнув, затем задержала дыхание, медленно выдохнув, резким движением вытерла слезы с щек и продолжила снимать.

— Кордон, вызывает Группа-1! — начал связываться со Славиным Витя.

Василий Трофимович, когда выдал им эту радиостанцию, сразу пояснил правила и распорядок связи: никакой лишней болтовни, просто и ясно — кто кого вызывает, с какой целью; если это обычный сеанс связи — раз в день, в определенное время, то четко доложили: все в порядке, все живы-здоровы, стоим там-то, все идет по графику, и все. Если же это экстренный или незапланированный вызов, то тоже четко по пунктам: что произошло, что предпринимается и какая требуется помощь. Ну и позывные дал, назвав их «Группа-1», и пояснил, что могут еще какие-то группы отправиться в тайгу: лесники, поисковые команды, туристы, охотники, которые тоже имеют рации и могут связываться с ним, вот чтобы не было неразберихи, он их и станет нумеровать.

Ну а у него позывной один для всех — «Кордон», предложенную было Витей «Базу» Славин с усмешкой отверг, посоветовав молодому человеку поменьше смотреть кинематографических фильмов про бравых вояк.

— Кордон, вызывает Группа-1. Ответьте!

Витя Тюрин вызывал Славина уже минут десять. Чума отдал ему вполне четкие указания, как и что говорить, заставил повторить текст и только тогда позволил начать вызов.

Надо отдать должное — сволочи эти, захватившие группу, соблюдали строгую дисциплину, слушали главаря беспрекословно, с каким-то подобострастием, что ли, или страхом, и действовали грамотно, почти по-военному — «пост» наблюдателя

выставили на всякий случай, двое охраняли Аркашу, Андрея и Игоря, стоявших на коленях с поднятыми руками, сложенными на затылке ладонями, а рядом с Тюриным находился только Чума.

— Кордон, вызывает Группа-1! — повторял Витя, поглядывая на бандита.

— Здесь Кордон, — отозвалась вдруг рация голосом Славина. — Почему экстренно на связь вышли, случилось что у вас?

— Да, Василий Трофимович! — обрадовался Витя и заторопился говорить, все поглядывая краем глаза на Чуму: — Михаил Евгеньевич сорвался с утеса! Сильно разбился, есть переломы, находится без сознания! — Он перевел дыхание, глянул еще раз на внимательно слушавшего его главаря и продолжил более спокойным тоном: — Мы вчетвером могли бы его вынести, но боимся заблудиться, не очень хорошо маршрут помним. Нужна ваша помощь, чтобы вывести нас отсюда.

— Кто-нибудь еще пострадал? — спокойно спросил Славин.

— Нет. Только Михаил Евгеньевич, — и добавил, вроде как извиняясь за старика: — Оступился неудачно и сорвался с Бараньего Лба, — и повторил: — Без сознания он, но в себя приходил несколько раз, говорит: «Не выйдете сами, заплутаете». Мы вчетвером посоветовались и решили, что надо с вами связываться, сами действительно не выйдем, да и выносить его надо как можно скорей, Василий Трофимович!

— Вас понял, — ровным голосом сообщил Славин. — Через десять минут выйду на связь, сообщу решение. Все. Отбой.

— Отбой! — почти радостно попрощался Витя, снял и положил наушники на стоящий рядом открытый рюкзак.

И получил неожиданно резкий удар в лицо, от которого скатился с бревна, на котором сидел, и упал на бок. Чума, подскочив к Вите, рванул его за шиворот наверх, усадил назад и заорал:

— Тебе кто позволил от себя что-то говорить?! Я тебя предупреждал?!

— Я от страха!! — заорал в ответ Витя, втянув голову в плечи и прикрываясь рукой. — Перенервничал и текст ваш забыл!! Что я не так сказал-то?! Все, как вы говорили, только другими словами!!

Чума замахнулся, но в последний момент бить передумал, отшвырнул от себя Тюрина и уселся назад.

— Ладно, — снизошел он. — Получилось даже лучше: жалостливо и с чувством. Посмотрим, поверил ли он.

— Он ведь с кем-то совещаться будет наверняка, — осторожно заметил Витя, усаживаясь назад на бревно и вытирая бегущую из уголка рта кровь. — Сообщит кому-нибудь о происшествии.

— Да по фиг, — отмахнулся Чума. — Даже наверняка с кем-то свяжется, с эмчезниками или экстренной медициной. Но это в области, чтобы вертолет прислали или еще что, — и усмехнулся. — Да только х... это все, и Славин это знает. — И расщедрился пояснением Тюрину: — Ты думаешь, почему мы вас именно на этом маршруте пасли и взяли? Да потому что посмотри. — И он описал рукой полукруг вокруг себя. — Это гиблое место, сюда только пешочком на своих двоих и никак иначе:

рекой не пройдешь ни сверху, ни снизу против течения — пороги, транспорт любой даже не смешно, хоть БТР с танком, никто не пройдет, а вертолет не подлетит — крутые скальные холмы, обрывы, тайга, тут никакая эвакуация невозможна.

— Но ведь он кому-то сообщит о происшествии, — так же осторожно напомнил Тюрин. — И власти будут об этом знать.

— И что? — хохотнул весьма довольнo Чума. — Ты про то, что вас искать начнут и на нас выйдут? Забудь, пацанчик! — и расхохотался, аж голову откинул, посмеялся от души и благостно объяснил реалии: — Ты сводку погоды смотрел?

— Конечно, — пожал плечами Витя.

— Небольшой дождь, да? — продолжал веселиться Чума.

— Ну да, — кивнул настороженно Витя.

— Правильно. Только это здесь, а выше, в горах, ливни, а это значит сход большой воды. Да вам-то это и ни за каким ... не сдалось. Встали бы лагерем в удобном месте, а реку с высокого берега обмеряли бы. — Тут он сделал наигранно-скорбное лицо. — Да только дядя Миша ваш поломался, и теперь вы вынуждены у реки стоять и ждать помощи. Люди вы городские, для леса не приспособленные, разбили лагерь прямо у берега, чтобы пострадавшего лишний раз не тревожить, а ночью вас большой водой и накрыло, кинулись друг дружку спасать, да все и утопли, попав в непредсказуемую стихию, — и развел безысходно руками. — Тайга, тут всякое бывает. А егерь ваш, что утром пришел, тоже спасти хоть кого попытался, но пропал неизвестно где. Сгинул.

— Но... как вы... — попытался спросить Витя.

— Узнал про ваши маршруты, работу и планы? — догадался Чума и отмахнулся: — Да не смеши! Мы местные, вы приезжие, московские, в деревне на постое, да про каждый ваш чих мне становилось известно раньше, чем вы чихнули. Куда пойдете, какие задачи, маршруты, планы, дела, с кем из местных бабонек спите, да и как их оприходуete, знаю — делятся девки-то наши впечатлениями. Жаль, конечно, что начальница ваша на зимке поселилась и планы порой меняла по своему усмотрению, но не в этот раз.

Степанида боялась даже дышать громко. Чума с Витей расположились практически под деревом, на котором она сидела, и, слушая весь этот разговор, продолжая снимать, пыталась придумать, как действовать.

Все, что говорил этот мужик, было правдой, и про сход воды, превращавшийся в стихию, и про то, что сюда, кроме как пешком, никак иначе не добраться, и про то, что вертолет даже близко подлететь в эти места не сможет. А еще она точно знала, что Славин никаких помощников и службу спасения ждать не станет и сам отправится за группой. Один.

Все правильно рассчитала эта сволочь. Все правильно! Кроме одного момента!

— Группа-1, здесь Кордон. Ответьте, — раздался голос из радиостанции.

— Да! — схватив и торопливо надевая наушники, ответил Витя. — Группа-1 слушает, — и добавил: — Василий Трофимович.

— Выхожу к вам, — информировал ровным голосом Славин, — сообщите, где находитесь.

Витя быстро посмотрел на Чуму, тот кивнул.

— В районе Бараньего Лба, только отошли немного от реки в сторону, пока здесь стоим.

— Понял, — ответил Славин и распорядился: — Становитесь лагерем и ждите, найду вас сам. К утру буду. На связь выходите, если еще что-нибудь случится. Все. Отбой.

— Отбой, — тихо повторил Витя и как-то потерянно посмотрел на наушники, которые стянул с головы, перевел взгляд на Чуму и произнес: — Он придет.

— Я слышал, — хохотнул тот.

Главарь поднялся с бревна и обратился к своим браткам:

— Он идет на помощь деткам! Рыбка клюнула!

Братва отреагировала нестройным радостным матом.

— Все, сворачиваемся здесь, собираемся и уходим. Надо место найти и лагерем встать, — распорядился он, посмотрел на часы и принялся рассуждать вслух: — Так. Идти ему хорошим ходом, а он будет идти именно так, поспешит, медикамент и инвентарь небось прихватил, часов шесть-семь, а это значит, часам к десяти вечера. Не, не пойдет он по темноте, ночевкой встанет, дальше двинется по серости утречком. Значит, ждем на рассвете.

— Слышь, Чума, — окликнул его Бык, стоявший у неподвижного тела дяди Миши. — А с этим что делать? — И он пнул проводника ногой.

— Живой? — спросил главарь, направляясь к нему.

— Не-а, сдох, по-моему, — задумчиво ответил Бык «лосистый».

— Так проверь! — шумнул на подручного Чума.

Бык присел на корточки и приложил два пальца к залитой кровью шее Михаила Евгеньевича, пощупал, сделав сосредоточенное лицо, и покрутил отрицательно головой.

— Не. Дохлый.

Стеша задохнулась от этих слов, произнесенных с таким ужасающим безразличием. Дядя Миша умер? Неужели больше нет Михаила Евгеньевича? Известного Лешего? Что, действительно эти твари его убили?..

Она навела камеру на недвижимое тело, приблизила максимально картинку и все всматривалась, всматривалась в это залитое уже засыхающей коркой кровью лицо.

— Скиньте эту падаль вниз, — брезгливо скривившись, распорядился Чума и отошел в сторону.

— Моченый, подмогни! — позвал Бык кого-то из подельников.

К нему поспешил тот самый щуплый мужичок с лицом, напоминавшим крысину морду. Он казался беспокойной крысой, все присматривающейся ко всему вокруг, что-то беспрерывно вынюхивающей и нервной, находящейся постоянно в движении. Уж какой он там Моченый — не ясно, но Крысой он был точно!

Бык с Крысом этим схватили Михаила Евгеньевича за руки и потащили к краю обрыва.

— Постой! — крикнул вдруг Быку Чума, вспомнив о чем-то, и поспешил к ним, а подойдя, объ-

яснил: — Надо карманы его проверить. Он всегда патроны по карманам рассовывал.

Стешу чуть не вырвало, когда она наблюдала, как эти двое выворачивают и потрошат карманы Куликова, переворачивая его тело, как пустую никчемную куклу.

— Рюкзак-то снять? — спросил у старшего Крыс.

— Нет, — отрезал тот и добавил: — Ничего не трогайте, застегните все пуговицы и поправьте рюкзак. Патроны только возьмите.

Давясь слезами и рвущимся из глотки воем, Степанида продолжала снимать. Вот всякие мелочи — папиросы, зажигалку и спички, холстину платка, что-то еще — бандиты растолкали по карманам, из которых только что все это вытащили, застегнули все пуговицы на Михаиле Евгеньевиче и уж собрались подхватить его, когда раздался начальственный голос Чумы, стоявшего возле Вити, упаковывавшего и убиравшего радиостанцию в рюкзак.

— Поторопитесь! Да не забудьте пацанам этим руки связать. И быстрее, уходить пора!

Бык с Крысом смотрели в сторону Чумы. А Стеша продолжала снимать Михаила Евгеньевича, словно прощалась с ним, и вдруг...

Вдруг он пошевелился!!

Она сжалась вся, словно прыгать собиралась, подалась вперед, безотчетно все нажимая на кнопку приближения картинки, не понимая, что уже и так максимально ее приблизила, и всматривалась, всматривалась в тело дяди Миши!

Вот!! Вот точно!! Еще раз пошевелился! Рукой двинул!

Бандюки о чем-то переговаривались с главарем и не видели этих движений, а она, не слушая и не понимая, что они там говорят, принялась шептать, уговаривая.

— Ну, давай, давай, миленький, живи!! — все шептала и шептала она.

И увидела, как он немного сдвинулся, переместился и поменял положение ноги! Живо-о-ой!! Живой!!

И тут... Сволочи эти разговор закончили, повернулись к телу, ухватили его за руки и потащили дальше к самому обрыву. И в этот момент до Стеши окончательно дошло, что сейчас случится!

У нее отхлынула вся кровь от головы и стало холодно и страшно! И непередаваемо захотелось заорать во все горло, остановить этот кошмар!!

Бычара перехватил дядю Мишу за талию, подтащил к самому краю, выпрямился и, подтолкнув ногой, скинул с обрыва!!

Она все-таки взвыла! Не удержалась! Страшно так, утробно завывала! Смотрела, как, перекатываясь, исчезает с обрыва тело дяди Миши, словно в замедленной съемке, называемой в кинематографе «рапид», — вот чуть задержалось на самом краю на пару секунд... перевалило за край и исчезло — и она взвыла от ужаса и безнадёги черной!!

Ее спасло только то, что закричали все ее парни. Так же, как она, внимательно наблюдавшие за этой страшной казнью. Только это и спасло.

Но двое бандитов, Крыс и третий, еще никак не обозначенный ею по имени, кинулись к мальчишкам и принялись их колотить кулаками по лицам.

— Отбой! — резко остановил их Чума. — Успейте. Им еще лагерь ставить и жарчку готовить.

— Не, ну ты смотри, вот же сволочь! — весело проорал Бык, наклонившийся над обрывом и внимательно там что-то рассматривавший, повернулся к Чуме и, указывая пальцем на реку, пояснил: — Попал в карман глубокий, даже ни разу ни о какой камень не ударился! Прикинь! Один-единственный колодец глубокий, и он туда... стремнина подхватила и вниз тащит!

— Так даже лучше! — отмахнулся Чума. — Протащит по порогам, выкинет где-нибудь у «Банки», как обычно, а может, и раньше. Если зверье не схарчит и найдет кто-нибудь, факт несчастного случая налицо: и рюкзак при нем, и все вещи, а винтарь потерял — уж извини, — хохотнул он под конец этой прочувствованной речи и, резко сменив тон на угрожающе-приказной, будто пролаял: — Ну, что застыли?! Быстро встали все и вперед!! Бегом, я сказал!!

Стеша все снимала и поторапливала бандитов мысленно — ну действительно, скорей, что вы копаетесь?! Валите отсюда!! Она теперь точно знала, что надо делать! Абсолютно ясно знала!

Когда их научная группа приехала сюда и ввалилась к Василию Трофимовичу на кордон с несколько нагловатой заявкой, что они тут работать и жить собираются, Славин посмотрел так особенно, ухмыльнулся и... и почти послал. Пояснил потом, после бурного возмущения младшего научного состава экспедиции в лице трех студентов и аспиранта Тюрина, что, собственно, он-то егерь и вполне себе официальный, на должности

и окладе, да вот только кордон этот и все постройки на нем, как и большой участок земли, на котором все располагается, его частная собственность.

И поэтому кого принимать тут в гостях, а кого нет, решает только он. А министерской бумажкой, которой студенты трясли, он предложил воспользоваться с другой, более прикладной, скажем так, целью. Степанида расхохоталась от души: так понравилась ей эта спокойная отповедь сильного человека и вытянувшиеся рожи ее подчиненных. А Василий Трофимович улыбнулся ей в ответ и предложил остаться проживать у него, «встать на постой», как он тогда выразился.

Парни было дернулись, что-то там нехорошее заподозрив, он их остудил строго так, до потрохов, а Степанида с благодарностью приняла приглашение.

Дело в том, что она знала об этом человеке нечто, что было известно сильно-сильно ограниченному количеству людей, и абсолютно Славину доверяла. Для чего имелся очень, ну очень веский довод. Поверьте.

Главное, что сейчас эти вот знания о Славине давали ей стопудовую уверенность, что ни в какую ловушку, так прекрасно, как бандитам кажется, расставленную, он не попадет! Витя Тюрин, замечательный, героический парень, смог его предупредить! А уж как обыграть этих уродов и мальчишек выручить, Василий Трофимович придумает!

Обязательно! В этом Степанида была теперь уверена абсолютно!

А ей надо спешить!! Не просто спешить, нести со всей быстротой, на которую она способна!! И она все торопила и торопила мысленно бандитов, подгонявших, в свою очередь, навьюченных поклажей, как тягловые ослики, парней впереди себя, длинной цепью удаляясь в глубь лесного массива, обходя каменную гряду слева.

Когда фигура последнего бандита скрылась между деревьями, Степанида закрыла глаза и заставила себя спокойно досчитать до пятидесяти.

— Пятьдесят! — вслух закончила она счет и начала торопливо слезать с дерева.

Обдирая руки и не замечая этого, она съехала по стволу, прыгнула, прислушалась к своему телу: удачно — ноги не отбила и не подвернула. Постояла несколько секунд, прислушиваясь к звукам леса, и рванула вперед. Вытащила из расщелины свой рюкзак, стряхнула от листьев и хвои, убрала в него камеру, надела, застегнула на животе и груди фиксирующие ремни, немного попрыгала — нормально сидит: не гремит, не елозит, по спине не бьет.

«Все, все!! — подгоняла она себя! — Быстрее, быстрее!»

И побежала к реке.

Тимофей затянул завязки и застегнул свой стильный, навороченный кожаный рюкзак зашнурованный какой известной марки и стоимости соответственно. Все эти понты шумоточные и пафосные про крутые марки одежды и атрибуты богатой жизни всегда вызывали в нем только снисходительный сарказм, но справедливости ради надо отметить, что на самом деле качественные вещи —

это комфортно, в частности рюкзак удобный, в самый раз для таких вот скорых сборов и поездок. Тимофей переставил рюкзак на нижнюю полку и вышел из купе в коридор.

Это все Катька. Она обожала покупать ему дорогие фирменные вещи и всякий раз воспитывала, когда он начинал отнекиваться и ворчать по этому поводу:

— И нечего выступать! Ты себе все равно ничего не покупаешь, тебя ни в какой магазин не затащишь, ты магазины вообще не воспринимаешь, для тебя это всего лишь декоративный фон города! Кто-то же должен вещи приобретать, не в портках же дырявых тебе ходить! К тому же я на твои денежки покупаю, чтобы ты не бухтел тут лишний раз!

Ну, вообще-то его такое положение дел вполне устраивало: магазины он и на самом деле своим появлением не баловал и шопинг как таковой не воспринимал в принципе, да и не имел на него времени и возможностей. Катька же знала назубок все его размеры, вкусы и пристрастия и даже капризы в одежде, а с недавних пор к ней присоединилась и Сонька. И тащили они ему шмотье всякое из разных заграниц, да и московские бутики вниманием не обделяли.

— На фигу мне столько барахла?! — негодовал Тимофей. — Мне его никогда не выносить! — И призывал: — Девки, остановитесь, я ведь не тусовочный парнишка и не бомондный бонвиван.

— Ничего! — встревала Сонька со своим «пятяком» воспитательным. — Еще никому приличный прикид не мешал. А тебе, дядь Тим, и подавно, ты

ведь у нас молодой, холостой, тебе барышень кадрить требуется, тем паче что ты себе все больше временных и дорогих подбираешь, а они девушки капризные, в первую очередь оценивают по одежке, часам, обуви и кошельку!

Да уж! Где-то она, конечно, права насчет девушек — именно так: временных, упакованных, из богатой тусовки, но при этом любящих денежки до своего совершенно облегченного поведения за сильно тяжелые суммы, в основном в виде ресторанов и подарков в процессе ухаживания, хотя многие не гнушаются и деньгами брать при всей своей навороченной виповской недоступности. Кстати о часах: Сонькин любимый папаша тоже в жизни Тимофея отметился, вручив на день рождения нечто охренительно настоящее, дорогущее и швейцарское.

— Ты офигел, что ли, Кирилл? — прибалдел Тимофей, рассматривая подарок. — Я, конечно, не самый крутой ценитель, но сколько это стоит, знаю.

— Наплевать! — отмахнулся Бойцов. — Давно задумал что-нибудь стоящее тебе преподнести. — Обнялись, похлопали по спинам друг друга, и Кирилл, отстранившись, пошутил: — К тому же ты Соньку в клубешники сопровождаешь, должен марку держать ее загадочного богатого кавалера, чтобы не приставали к дитю идиоты.

Сопровождает, это да, только случается такое совсем не часто — в его короткие, всегда незапланированные отпуска и редкое свободное время.

Да, только почему-то Тимофей стал все чаще и чаще сбегать от любимой семьи. Вот такие непонятные дела.

Как и в этот раз. И всю дорогу — самолетом, потом вот поездом — он думал, почему так. Что тащит его куда-то? Что тревожное, непонятное в душе толкает его на эти разъезды в отпусках, и без того коротких, ненормированных, из которых его, как правило, умудряются отзывать раньше времени?

Ведь эти люди — его семья. Единственная и бесконечно любимая. Это его родные, самые близкие — все, ну, Катька это понятно, но и Кирилл, и Макс с Сонькой, и малыши, и Валентина. И он так редко их видит, скучает по ним и при любой возможности старается приехать хоть на пару деньков. И тем не менее вот уже который раз за последние два года Тимофей ловит себя на том, что, пробыв с близкими несколько дней, начинает маяться непонятно чем, переживать какой-то внутренний раздрай, чувствуя неясное беспокойство, и находит повод куда-нибудь уехать — путешествовать по стране, навестить друзей да и просто на море поплавать-позагорать, девушек-красавиц поснимать.

Что это? Может, как его там кличут по-научному, кризис среднего возраста?

А вот хрен знает. Тимофей решил не анализировать до поры, ну несет и несет его из дома от родных какая-то нелегкая — переболеет! Помается, и устанет все, лучше махнуть рукой на данные трепыхания и плыть по течению.

Вот и в этот раз сорвался через пару дней отпуска, проведенных в кругу семьи, и отправился через всю страну на Дальний Восток, аж в тайгу, туда, где тигры известные проживают. Не в сам Ус-

сурийский заповедник, но рядом, в еще более непролазные места.

Правда, на этот раз повод приехать сюда имелся веский. Более чем! Даже не повод, а дело глубоко святое — его командиру исполнялся полтинник. Юбилей.

Его первому командиру. Когда-то они с мужиками шуточно пообещали, что в этот юбилей соберутся все вместе и устроят командиру настоящий кутеж по всем правилам разрушительной мужской пьянки!

Поезд дернулся, замедляя ход, и Тимофей вернулся в реальность, задвинув подальше, до следующего раза, свои тревожные размышления, вызывающие чувство непонятной вины. Поезд все притормаживал, и вот он уже ползет мимо перрона, на котором Тимофей увидел Славина. Поезд затормозил, дернулся всем своим длинным телом и остановился окончательно.

— Ну что? — бодрым тоном отдыхающего, находящегося в предчувствии ожидающего его большого веселого отдыха, обратился Тимофей к попутчикам по купе. — Давайте прощаться! Приятно было познакомиться! Замечательно провели время. Доброго пути всем.

— Как жаль, что вы выходите! — по-настоящему расстроено заметил один из попутчиков, импозантный мужик среднего возраста, строитель, который ехал в гости к дочери.

Его дружно поддержали остальные двое пассажиров — семейная пара из Хабаровска. Ну, конечно, жаль! Всем всегда жаль расставаться с Тимофеем уже после первых же пяти минут общения, ког-

да он включает свое обаяние и юмор пусть даже всего на пятьдесят процентов, то есть так, «вполноги» и совсем не парясь.

Душа любой компании, балагур, весельчак, знающий невероятное количество анекдотов на все случаи жизни, играет на гитаре и поет песни на любой вкус, а уж как рассказывает удивительные житейские истории — заслушаешься! И каждому человеку дает то, чего он ожидает: женщинам тонкие комплименты, а мужикам — не менее тонкие уважуха и внимание к их рассказам о жизни, о своем наболевшем и сочувствие искреннее.

Все! Всегда убойно! В десятку, и вся публика его с потрохами — лю-ба-я! — до готовности со слезами умиления поведать все свои тайны и выдать компромат, даже такой, что боятся рассказать самим себе. Когда Саргину было нужно, он умел влюбить в себя любого и перевоплотиться в кого угодно.

Просто мало кто видел его в иной ипостаси. Но это совсем о другом.

Закинув рюкзак на плечо и легко подхватив тяжелый армейский баул в другую руку, Тимофей помахал оставшимся попутчикам, прошагал в тамбур, улыбнулся милой проводнице, тоже сильно опечаленной, что он выходит, и спрыгнул на платформу.

— Ну что, Леночка, до свидания! — многозначительно добавил: — Может, увидимся еще! — и помахал ей рукой Саргин.

— До свидания, — отозвалась проводница, вздохнув грустно: зацепил ее пассажир этот веселый, ой зацепил, и думалось полночи о нем, жда-

лось чего-то, но он не пришел в ее проводническое купе...

Тимофей махнул еще раз и направился по перрону к Славину, стоявшему в расслабленной позе отдыхающего наблюдателя — привалившись плечом к опоре навесной крыши, скрестив руки на груди, закинув ногу за ногу с обманчивым выражением скуки на лице.

Тим хмыкнул про себя: «Узнаю командира — «я не я и хата не моя», видите, отдыхаю! Всегда вроде как не при делах и случайно тут образовался».

И пока приближался, все присматривался к нему повнимательней — такой же подтянутый, стройный, явно в форме, никакой расслабухи гражданской, никакого оплывания телом — не раздобрел, не растерял тонуса жизненного да и выглядел хорошо — молодец, не на свои года, уж точно.

Выхватив взглядом Тимофея из толпы, Василий Трофимович тут же преобразился и двинулся навстречу стремительной, удивительно красивой походкой, чем-то похожей на движения хищника, полной грации и скрытой силы.

Они встретились, посмотрели пару секунд молча в глаза друг другу, хлопнули ладонями, сжав их в замок, притянули друг друга, сильно обнялись, постояли так, Тимофей аж глаза прикрыл от нахлынувших эмоций. Отпрянули, не расцепив рук, посмотрели снова друг другу в глаза.

— Ну, привет, Тимыч! — разулыбался Славин.

— Привет! — улыбался в ответ всю радостно Тимофей. — Привет, командир!

Снова обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

— Приехал-таки, чертушка, — довольно ворчал Славин, прижимая друга к себе.

— А как же! — рассмеялся легко Саргин, отстранился от него, снова разглядывая с удовольствием. — А ты надеялся без меня полтинник свой отметить? Э-э, нет! Я за широту гуляний всегда первый, ты ж в курсе, командир! К тому же обещали!

— Да, — кивнул Славин, перестав улыбаться, нахмурился. — Только из тех обещавших вас двое осталось.

— Ничего, — хлопнул его по плечу Тимофей. — Парни с нами.

— С нами, — кивнул Славин и другим тоном, бодрым и деловым, предложил: — Ну что, идем? Карета ждет.

— Однако ты патриот, командир! — весело протянул Саргин, когда Василий Трофимович подвел его к своей машине — «УАЗ Патриот» улучшенной комплектации.

— А по нашим местам никакой иностранец не пройдет, — усмехнулся Славин, распахивая багажник. — Да и на фиг никому здесь не сдался, ты в тайге запчастей на него не найдешь и бензоколонки на каждые сто километров, чтобы «прокормить».

Тимофей быстренько покидал в багажник вещи, захлопнул и сел на переднее пассажирское место, рассматривая «начинку» машины.

— Ну да, — подтвердил Славин, усаживаясь на водительское место и заметив этот интерес. — Я тут его немного подшаманил. И комплектацию, можно сказать, несколько улучшил: кое-что

усилил, кое-чего добавил. Ну, потом сам посмотришь.

— А откуда «дровишки»? — посмеиваясь, обвел рукой машину Саргин.

— Машину особой комплектации, скажем так, помогло бывшее начальство приобрести, ну и начинку кое-какую подкинули, — с хитринкой глянул на него командир, завел машину и стал осторожно выезжать со стоянки.

— Кое-какую! — рассмеялся Тимофей, указав на мощную военную радиостанцию, укрепленную в корпусе. — Ты что, контору любимую раскулачил?

— Так а как иначе! — подивился с наигранной простотой Славин. — Из колхозу и без зерна?

— Это-то да, — согласился Тим и уточнил: — А чем еще из «зерна» прибарахлился?

— Увидишь, — загадочно хмыкнул Славин.

— Ну, ты расскажи, как ты вообще тут обустроился, Вась, какие дела у тебя, как живешь? — искренне поинтересовался Тимофей. — Прижился, нравится? Говорят, заимкой личной, хозяйством обзавелся, оседлый образ жизни ведешь?

— Есть такое дело, — довольно подтвердил Славин.

— Ну, так давай, поведай, дорога-то, я так понимаю, длинная.

— Дорога длинная, — кивнул Василий Трофимович. — Расскажу.

Пять лет назад Василий Трофимович получил ранение левой руки — хреновое ранение: разнесло гранатой, казалось, что в ключья. Врачи долго

над ним колдовали, руку спасли и даже сохранили в рабочем состоянии, вернув многие функции — многие, только не те, что требовались в его профессиональной деятельности.

То есть для обычной жизни, быта и работы вполне достаточно, пусть и с ограниченными движениями, а вот поврежденные сухожилия и нервы навсегда перекрыли возможность вернуть былую форму.

Проще говоря, отсутствие мгновенных реакций и способности к боевому применению — борьбе, стрельбе, силовым упражнениям. Все!

Василий Трофимович Славин, командир группы особо засекреченной специальной роты спецназа ГРУ, большую часть жизни проведший на службе и обладавший уникальными физическими и интеллектуальными способностями, вынужден был смириться с тем, что руководить боевой группой он уже не сможет.

Начальство плакало вместе с ним от такой засады, но, увы, потери в их работе дело тяжелое, горестное, но случающееся. Живой остался, и это уже победа.

Помаялся Славин с годик на штабной работе, куда отправили его с присвоением очередного звания — ну, интересно и мозги работать заставляет, но настолько это не его, хоть вой — он же кадровик боевой!

Он и взвыл! И началась у мужика маета душевная! Что только не предлагали ему — и преподавать на спецкурсах для офицеров ГРУ, и преподавать в профильном военном училище, в конце концов, хоть инструктором пойти — ну нет, нет! Все

не то — тошно, муторно! Прямо за горло лапой, перекрывая кислород, душила тоска!

Себя извел, руководство до белого каления достал. Если б семья имелась, может, ради нее и перетерпел бы как-то этот самый тяжелый, корежащий период перехода в мирную жизнь от боевых будней, и, глядишь, преподавать начал бы, кстати, зарабатывал бы неплохо, поскольку таких специалистов, как он, в стране не больше пары десятков найдется, а то и меньше — государственная тайна.

Да только не было семьи. Вот не получилось.

Девушкой не обзавелся, пока учился в военном училище, и не женился, как старались делать другие курсанты к окончанию учебы, зная, что ушли куда-нибудь «мама не горюй», где, может, не то что женщин нет, а вообще людей не сыщешь. Так холостяком и уехал по первому месту несения службы.

Ну а там как началось!

Год из казармы не вылезал, а потом понеслась нелегкая по стране — кооперация, перестройка, потащившая за собой все, какие только можно, межнациональные конфликты, и злые дядьки забугорные с умыслами нехорошими против страны родной...

Женился в тридцать лет. Получил после ранения отпуск и по пути домой остановился у московского сокурсника по училищу, строившего свою карьеру в штабе. Ну, загуляли так не хило, поармейски, и где-то посреди этого кутежа возникла девушка в его постели — подруга двоюродной сестры однокашника, — кажется, так. Повеселились они с ней трое суток, а на четвертые Славин про-

снулся, посмотрел на спящую девушку и решил — женюсь. А она возьми да и согласись. Вот и повез молодую жену к родственникам в поселок городского типа — село селом — на Дальнем Востоке. Познакомил, даже свадьбу там отгуляли...

И вернулись — он на свою войну, жена молодая в Москву к родителям. Ничего, иногда встречались и спали вместе, пока она нормального мужика не встретила, в том смысле нормального, что в семье, рядом, каждый день, а не черт знает где и которого ждать почему-то требуется в гарнизоне задрипанном, ну и без денег, само собой, ибо отстрельные девяностые годы и армия как-то в нашей стране плохо монтировались, хорошо хоть самую элиту этой армии не успели до конца угробить, деятели хреновы!

Мирно развелись без претензий в полном взаимопонимании. Больше он не женился. Работа занимала всю жизнь, да и не встретил своего человека.

Помаялся так Славин, попробовал то там, то сям поработать да и подал рапорт об увольнении в запас. «А, к черту, — решил, — поеду домой, отдохну первый раз в жизни по-настоящему, никуда не торопясь, выплюсь, надышусь родным воздухом, глядишь, может, и придумаю, чем дальше заниматься. А не придумаю, там посмотрим».

А дома батя один только от всей семьи и остался. Хозяйство, правда, справное, держал в порядке и достатке, спасибо Василию Трофимовичу, большую часть своих заработков ему отправлявшему все эти годы, — сад-огород, живность всякая, еще и сыроваренка небольшая, но доходная, сыры на-

ладился очень достойные выделывать, аж из города приезжают покупать.

Отходил от раздрая душевного Славин недолго — отоспался, как и мечтал, в тишине и звенящем спокойствии под комариный писк да лягушачий квак с реки, как под изысканную музыку, с отцом на рыбалки-охоты сходили, в лес по грибы-ягоды и просто погулять-подышать, по хозяйству помог с удовольствием... и загрустил — дела толкового нет, так, чтобы на душу легло, — вот как не было, так и нет, и применить себя некуда!

Но за таких мужиков, как он, видимо, кто-то там наверху молится да приглядывает, не иначе! Случай помог.

Прибегает как-то к Славиным во двор сосед дед Матвеич да кличет их.

— Мужики! — кричит нервно. — Слышь, Трофимыч!

— Чего случилось-то, Матвеич? — вышел отец на крыльцо, а за ним и Василий подтянулся.

Оказалось, заехали охотнички городские залетные в гости к одному из соседей. Богатые, по всему видать, да дурные от чувства денежной вседозволенности, вечером попарились, посидели за столом, «понакидались» водки, а с утраца на охоту отправились, а лицензий ни у кого. Матвеич было сунулся останавливать и вразумлять, так чуть по зубам не отоварили. Так они ж, гады, бить собрались все подряд, за трофеями, говорят, да соревнование устроить.

— Так ты чего к нам-то? — спросил отец. — Бежал бы в полицию, звонил в район, что, мол, браконьеры приехали.

— А-а-а! — с досадой махнул рукой Матвейч. — Ты ж знаешь, Трофим, что мазано все меж своих и богатых, к тому же они-то оттудова как раз и богатеи. Значит, все у них там куплено!

— Ну, а мы чего? — допытывался батя.

— Ну... — замылся вдруг сосед и посмотрел смущенно на Славина-младшего. — Василий-то твой военный бывший, все в поселке знают, что десантник, ну из этих войск, которые драться гораздо, может, он бы их этого... припугнул-шуганул как-нибудь? А?

— Ну, ты даешь, Матвейч! — возмутился Трофим Ильич.

— А охотничков-то сколько? — скучающим тоном, как бы между прочим поинтересовался Славин, в расслабленной позе развалившись на ступеньках крыльца, вытянув вперед ноги и покусывая травинку.

— Дык вот! — вздохнул огорченно дед, развел руками жестом бессилия и признался: — Четверо.

— А схожу-ка я, батя, в лес, прогуляюсь, что ли, — лениво размышлял вслух Василий, не сдвинувшись с места.

— Да ты что?! — возмутился отец. — Четверо козлов с винтарями и под бодуном?

— А-а, — отмахнулся сын. — Посмотрю только.

Мужиков повязанных он довез в административный центр округа, сдал куда и положено, заявление честь по чести написал, ну и предупредил в приватной беседе следователя, что лично контролирует наказание этих голубцов. И так ему душевно стало хорошо — от прогулки по лесу, от разминки с этими горе-охотничками, попытавши-

мися сопротивляться, пыжиться и угрожать. А следователь тяжело вздохнул и принялся жаловаться на браконьеров бесконтрольных, на то, как сложно их выловить, да еще доказательную базу собрать и предъявить, на то, что егерей единицы, а уж таких, кто борьбу с этими упырями ведет, по пальцам посчитать — боятся, стреляют же гады и убивают, семьям угрожают. Все как на войне.

Вот на этом моменте наш боевой товарищ и востепенел с интересом.

И отправился он узнать поподробнее о делах местных в администрацию. Выяснил, разузнал и... связался со своим бывшим начальством, попросив через их каналы собрать всю возможную информацию по данному вопросу.

Уже через неделю к дому Славиных в поселке подкатил представительный джип «крузак», из которого вылез крутой краевой чиновник в сопровождении мужика в форме природоохраны и двух мордovorотов.

Начальство Василия Трофимовича расстаралось — настоящую его квалификацию и специфику бывшей работы, понятное дело, никому не сообщали, это совершенно и наглухо засекреченная на долгие годы информация, но намекнули прозрачно, что он многое может, ну и посоветовали душевно пригласить к сотрудничеству.

Не просто пригласили — умоляли и давили на патриотизм, обещая самые обширные полномочия и всяческие преференции.

В результате переговоров на следующий день Славина повезли в тайгу показывать бывший егерский кордон, спаленный браконьерами после то-

го, как прошлого егеря подстрелили крепко и он попал в больницу. Не было хозяйства, считай, что вовсе: дом — головешки, одни уж бурьяном поросшие, да и подсобное погорело все.

— Ну нет у нас денег восстанавливать его! — почти рыдал представитель Министерства природопользования. — Средства выделяются неплохие, но в основном на развитие Уссурийского заповедника и охрану популяции тигра. А эти места уже не входят в территорию заповедника. В нем всего-то четыреста километров квадратных, но беда в том, что ареал распространения тигров все девятьсот километров. Как раз у вас тут он и появляется чаще всего! А браконьеры здесь и ждут! Да и не только в тиграх дело! Не одни они в Красной книге! Но бьют же, сволочи, всех подряд, и во время отела, и во время гона, и самок беременных! Да и вообще, лесу хозяин нужен, охранник радивый!

— Ну а жить-то вашему радивому где? — усмехнулся пламенной речи Славин.

— Во-о-т с этим... — развел удрученно чиновник руками.

— А все это хозяйство и земля на балансе Минприроды? — поинтересовался Славин.

— Ну да, — кивнул озадаченно мужик.

— Если на восстановление средств нет, купить-то все это добро можно? В частную собственность перевести? — словно размышлял вслух Василий Трофимович. — Скажем, с каким-нибудь заковыристым пунктом в документах, не разрешающим тут масштабное строительство или еще какие потребности и нецелевое использование, а эксплуа-

тацию и проживание исключительно как кордона. Мне бы подошло.

— Отчуждение земель? — задумался дядька и покрутил головой. — Сложно это, долго, да и не положено, лесные угодья, государственная собственность...

«Звонок другу» в лице бывшего руководства Славина, и сложное превратилось в реальное — земля и строения на ней стали частной собственностью Василия Трофимовича, в приобретении которой помогла бывшая контора и накопленные им за время службы средства.

Все. Его целиком и полностью, с правом наследования и без права любого вида деятельности и использования, кроме как целевого. То есть если и не будете работать егерем, жить и пользоваться можно, а вот все остальное нельзя.

К тому же прилетал кое-кто из его бывших руководителей, имел с Василием Трофимовичем долгую приватную беседу, после которой оба остались друг другом очень довольны. А Славин заимел еще одну профессиональную занятость, скажем так: по профилю бывшей работы в виде внештатного сотрудничества — инструктором по выживанию в дикой природе.

Ему по кайфу. Присылают несколько ребятков, вроде как официально «стажеров егерей» из «Лесного университета», а он их гоняет по лесам-горам диким по определенной программе выживания и расставленным им хитрым ловушкам.

Ему нравится — нормально, все по сердцу и вроде как снова при деле живом, и навыки его востребованы. Правда, учиться многому пришлось, и

быстро. Пока дом-хозяйство строились-возводились, он поселился у бывшего егеря, проживавшего в соседней деревне, — Михаила Евгеньевича Куликова, в народе прозванного Лешим за любовь и знание леса и умение ходить по нему совершенно неслышно. Именно его тогда подстрелили браконьеры и, пока егерь в больнице отлеживался, спалили все хозяйство.

Леший Славину обрадовался, а побеседовав подробно, так и вовсе за своего принял и щедро делился бесценными знаниями о местном зверье, его привычках и нравах, первое время ходил постоянно с Василием Трофимовичем в лес, обучал.

Пришлось и специальную литературу поизучать, а уж как переехал в дом отстроенный, то и заочно через интернет брать уроки у специалистов биологов-зоологов, и не только у них.

Дом и все постройки помогли возвести те же вояки, не без личного, разумеется, участия Славина, да со всякими усовершенствованиями и новыми технологиями получилось хозяйство добротным, качественным, современным даже.

— Ну и кое-чем из техники разной поделились, — скромненько закончил свое повествование Славин.

— Кое-чем? — переспросил и расхохотался от души Тимофей. — Это усиленным движком? — постучал он по торпеде, безошибочно определив по звуку наличие этого самого движка под капотом.

— Ну и им тоже, — пожал плечами Василий Трофимович, улыбаясь довольно, — всякие дела, спутниковые и компьютерные немножко, да так, по мелочи.

— Ну и куркуль ты, Вася! — продолжал смеяться Саргин. — Смотрю, тут совсем заматерел, кулачиной заделался. Как там насчет рабского труда, батраков держишь?

— Да живут иногда всякие, — рассмеялся Славин. — Только я их лечу. Вылечу, а они сами остаются, не выгнать. Сейчас парень один прибился, Георгием зовут, а кличут Геша, расскажу как-нибудь про него потом. А так да: хозяйство имею — конь Степаныч, солидный, не для баловства, пес любимый, друг настоящий, сибирский хаски Быстрый и подруга его, тоже любимая, лайка Найда. Курытки есть и дикий кот Виктор, в доме не живет, мышами промышляет, по утрам мне у порога добычу выкладывает. Была рысь. Я ее котенком покалеченным нашел, выходил, но в лес уже не вернешь, в зоопарк отдал недавно. Вот таким добром обзавелся. Ну, еще огород небольшой, для души зеленушка всякая к столу, деревьев фруктовых насаждал и кустов ягодных. Ну а ты?

— А я как обычно, — ушел от разговора Саргин, махнув рукой. — Без изменений, все больше «в поле».

— Понятно, — вздохнул Славин.

— Богато живете! — выходя из машины, протянул театрально Тимофей, оглядывая добротное хозяйство Василия Трофимовича.

— А то! — хмыкнул тот, доставая из багажника вещи друга, и пригласил, посмеиваясь: — Милости, как говорится, просим! Проходи в дом.

Но тут к ним подбежали две великолепные псины. Один, явно вожак, пес, хаски с поразительны-

ми светло-голубыми глазами, присущими только этой породе, ткнулся хозяину в ногу носом и настороженно подошел к Тимофею. Тот раскрыл ладони, дав понюхать их обеим собакам, познакомиться с ним, потом присел на корточки и потрепал по холке сначала пса, потом и лайку.

— Хороши! — похвалил он. — Молодцы какие. Ай, молодцы, красавцы.

В отношении животных к Тимофею всегда было нечто загадочное — они принимали его полностью и, скорее всего, за своего — псы-альфы, вожаки, как правило, настороженно, с готовностью воевать и отстаивать себя как лидера, но таким Саргин смотрел в глаза несколько секунд, они признавали в нем сильнейшего, тут же опуская голову в позе покоренности, а вся остальная живность его обожала, принимая сразу.

Черт знает, может, он и на самом деле был для них своим? Что-то же они в нем чуяли? Он повожился немного с собаками и пошел за Славиным в дом.

— Куртуазно тут у вас, однако! — протянул Саргин, изображая восхищение, заходя из просторных, добротных сеней в большую гостиную комнату.

Заметил, что в углу у двери стоят полки с обувью и разнообразными тапками — ботами, шлепками, с задниками и сланцами летними на любые размеры и в большом количестве, посмотрел на чистый паркетный пол, покрытый у большого мягкого дивана под журнальным столиком ковром, и принялся снимать обувь, повторив во время процесса переобувания:

— Вот я и говорю, — выбрал себе тапки, примерил, потопал, остался доволен и шагнул вперед, — куртуазно живешь!

— Ладно, — усмехнулся хозяин, пристраивая поклажу на лавку при входе, — мог бы и не снимать свое пижонство, чай, не из лесу притопал.

— А хорошо у тебя тут, — обходя комнату и рассматривая интерьер, заметил Тимофей. — Ничего себе! — поразился он, остановившись у навороченного компьютера и ноутбука на массивном рабочем столе, расположенном у окна, и уточнил удивленно: — У тебя тут что, и интернет имеется?

— Все имеется, — хитро улыбался его удивлению Славин. — Мне ж наши спецы налаживать хозяйство помогали, ребятки из инженерных войск прислали и связистов. Они траншейку-то небольшую от города и протянули, а в ней и электричество со скоростным интернетом, и телефонный кабель. Я теперь вроде как снова в конторе нашей немного числюсь, что-то типа добровольного-вольного помощника, да и граница недалеко, погранцы на связи.

— Да, зажиточно устроился, с размахом, — похвалил Тимофей с уважением и одобрением.

— Потом все подробно покажу-расскажу, — пообещал с явной гордостью в тоне, словно родитель, хвалившийся выдающимся дитятей, Славин.

Тимофей кивнул и продолжил осмотр, а проходя мимо одной из дверей, вдруг остановился, принюхался и протянул с неким удивлением:

— Женщиной пахнет. Ты женился никак, командир?

— Да ну на тебя, — отмахнулся Славин и дурашливо-серьезным тоном пояснил, даже чуть головой кивнул с уважением: — Жиличка.

— О, так ты еще и пансион держишь, что ли? — хохотнул Саргин.

— Да нет, не сдаю, это по работе, наука, — покрутил отрицательно головой Василий Трофимович.

— А у вас с ней, не женился, но?.. — Он сложил ладони вместе жестом, намекавшим на интим.

— Кто про что, а Тимыч всегда о своем, — хмыкнул Славин. — Она мне в дочери годится.

— И кому это когда мешало? — приподнял саркастически брови Тимофей.

— Не тема, — как отрезал Славин и поинтересовался: — Ну что, с дороги за стол, а потом к вечерку баньку затеем?

— Добро, — согласился Тимофей и поделился желанием: — Я б, конечно, душ с дороги с удовольствием, но понимаю: деревенский быт и все такое.

— Душ пожалуйста, — все улыбался загадочно Василий Трофимович и рассмеялся, увидев приподнятые в удивлении брови Саргина. — Я ж тебе всю дорогу толкую: домик-хозяйство у меня с сюрпризами, не простая тебе избушка на курьих ножках, — и хлопнул друга по плечу. — Идем, покажу, где что у меня тут расположено. А пока ты моешься, мы с Гешкой стол накроем, там и поговорим спокойно, без суеты.

Быстро приняв душ и переодевшись в свежее, Тимофей вернулся в гостиную, где его уже ждал накрытый стол, познакомился с Гешей, молодым